

* 9 ЯНВ 1979

Григор Степанович Азарян — режиссер болгарского Национального академического театра имени Ивана Вазова. Его постановки хорошо известны в Болгарии, не раз удостоивались высших наград Болгарской Народной Республики. Корреспондент «Комсомольца» В. Аюкян встретилась с Григором Степановичем в Софии и попросила рассказать о себе, о своей творческой судьбе.

— Григор Степанович, что предварило Ваш путь в театр?

Родился я в 1934 году в Пловдиве, в семье рабочих. Родители мои — выходцы из Западной Армении, осевшие на болгарской земле, встретились и поженились уже в Пловдиве.

Отец беззаветно любил театр и всю жизнь играл в любительских спектаклях. Дома, естественно, готовил роли, обсуждал их, и вообще вся атмосфера в нашей семье была проникнута интересом к театру. Отец мой, не получивший, к сожалению, театрального образования, был сценически одаренным человеком. Многие известные мастера болгарской сцены, видевшие его игру, признавали в нем большого актера.

Сам я охотно участвовал в школьных спектаклях (окончил армянскую школу в Пловдиве), но никогда не помышлял о том, что стану актером, а тем более режиссером. Влекла меня юриспруденция.

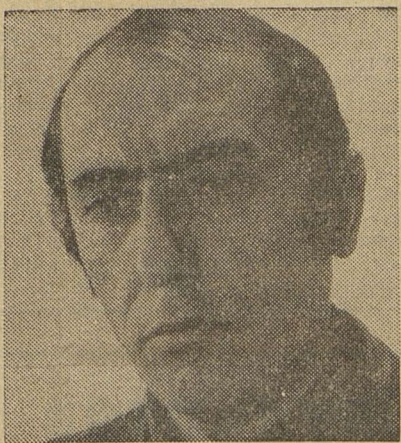
После возвращения из армии шесть лет работал на обувной фабрике, учился заочно в Софийском химико-технологическом институте.

В начале 60-х годов мне довелось увидеть в Пловдиве «Блоху» в постановке выдающегося болгарского режиссера Бояна Дановского. Этот спектакль, признанный этапным в истории болгарского театра, произвел на меня ошеломляющее впечатление. Впервые я осознал, что в спектакле, кроме актеров, есть и фигура режиссера, открыл для себя значимость режиссуры. Я поехал в Софию с решением поступить в Высший театральный институт. Выдержал с первой попытки трудное испытание в три тура.

Если верить тому, что каждая случайность, происходящая с человеком, есть закономерность, то моя режиссерская судьба тоже закономерна. Я подавал заявление о приеме на актерский факультет, но мне минуло уже 26 лет и, согласно возрастному цензу, я не допускался к экзаменам по этой специальности. Спросил, а куда можно? И услышал: на режиссерский... На кануне третьего тура мне сказали, что надо показать «режиссерский этюд». Я не имел понятия, что это такое, и попросил свою подругу, тоже из Пловдива, узнать у знакомой преподавательницы.

Григор АЗАРЯН:

Театр — моя жизнь

Преподавательница была справедливо возмущена, услышав, что человек, желающий посвятить себя режиссуре, не ведает, что такое этюд, но, тем не менее, объяснила все подруге, а та — мне. Всю ночь перед экзаменом я обдумывал в отеле этот этюд и показал наутро комическую инсценировку. Председателем приемной комиссии был Боян Дановский, который благосклонно отнесся ко мне, обстоятельно расспросил о работе на фабрике, о жизни. Я почувствовал, что интересен ему и, пожалуй, в первую очередь, своей непричастностью к той сфере, в которую задумал окунуться. Вот так я пришел в театр.

— Пожалуй, несколько слов о Вашем режиссерском дебюте и о самых дорогих для Вас работах.

— Постановка «Записок сумасшедшего»; мой дипломный спектакль, оказался и моим режиссерским дебютом, ибо был взят Софийским камерным драматическим театром «199» (в этом театре 199 мест) в репертуар в 1966 году, в год окончания мной института.

Самому судить о своих работах непросто. Самый значительный и дорогой для меня спектакль — это постановка пьесы «Январь» замечательного болгарского драматурга и блестящего прозаика Йордана Радичкова на сцене Пазарджикского театра в 1973 году. Пазарджик — городок на юге Болгарии с населением в 60 тысяч. Здесь в начале 70-х годов сформировался очень интересный театральный коллектив, собравший лучшие актерские и режиссерские силы Болгарии. На сцене этого театра был поставлен ряд интересных спектаклей, вызвавших горячий интерес у зрителей и театральной общественности нашей республики. Этот театр был сродни Паневежскому театру в Литве. К сожалению, о нем приходится говорить уже в прошедшем времени.

Пьеса «Январь» переведена на русский язык, ее играли в Риге и Вильнюсе. Кстати, Грант Матевосян представляется мне армянским Радичковым. Их творчест-

во, герои весьма созвучны. Герои Радичкова — люди чистые, цельные, подкупающие ясностью, непосредственностью своего мироощущения и, в то же время, богатством своего духовного бытия.

Каждые пять лет в Болгарии проходит смотр национальной драматургии. В минувшем пятилетии спектакль «Январь» получил высшую награду смотра. Эту пьесу я хотел бы поставить и в Ереване, на армянской сцене. Уверен, вопросы, проблемы, поднимаемые в ней, будут близки армянскому зрителю.

Дорог мне и спектакль «Вишневый сад», поставленный мной на сцене болгарского Театра народной армии. Эта работа вызвала много споров в Болгарии и в Москве. Я рад, что спектакль показался спорным, не оставив равнодушным зрителя. Думаю, что в искусстве настоящая истина — это поиск истины. Когда, допустим, театр хочет доказать, что данный стакан больше другого — это не театр. Театр для меня начинается там, где идет попытка показать, что этот стакан более стакан, чем другой. Весь смысл режиссуры — открыть то, что думает, а не то, что говорит герой.

В Театре народной армии я проработал восемь лет. На его сцене были поставлены мною пьесы «Албэна» Йордана Йовкова, «От земли до неба» Николы Русева и другие. Спектакль «От земли до неба» посвящался 100-летию со дня освобождения Болгарии от турецкого ига. Он признан лучшим спектаклем прошедшего сезона.

Уже год, как я приглашен в Национальный академический театр имени Вазова. Здесь поставил «Зоопарк» Ольби. Сейчас работаю над «Королем Лиром» Шекспира.

— Что Вам, как режиссеру, хочется сказать зрителю?

— Режиссура — способ самовыражения. В первые годы работы в театре мне хотелось показать на сцене людей, которых мы называем трудными — людей мятухных, непокорных. Это самые, я считал, дорогие для жизни люди. Мое поколение,

поколение послевоенных лет, воспитано на поклонении человеку сильной, твердой воли, принципиальному, исполненному высоких идеалов. Время искало и стремилось к воплощению на сцене своего героя. А герой тех лет — это крупная, яркая личность, зовущая и ведущая на подвиг.

В последние годы меня сильно занимает проблема доброты. Мне кажется, пора вернуться к добродушному человеку, который, может, не герой, может, личность не волевая, но дорог и нужен людям своим бесценным свойством — добротой. Хочу защитить доброту. Я думаю, каждый художник несет ответственность за человека, за окружающую его действительность, за все, что мы получаем в хранение и наследуем будущему.

Лев Николаевич Толстой говорил, что на сцене надо показывать человека в его «текучести», как в калейдоскопе, где все разное, неожиданное. Вот эта «текучесть», изменчивость поразительно наглядна в драме Шекспира. Суметь показать на сцене историю пути короля к человеку, историю такую трагическую и прекрасную. «Король Лир» — это, на мой взгляд, драма перемен, изменений, потрясений, венчающихся прозрением, духовным перерождением Лира, Глостера, Эдгара. Мне хочется сказать простую, извечную истину — доброта изначально присуща человеку. Значит, надо бороться за это изначально, за лучшее в человеке.

— Недавно Вы впервые выступили в качестве кинорежиссера. Намерены и впредь работать в кино?

— Я сделал фильм «Все или никто» по сценарию Йордана Радичкова, который он написал на основе своего рассказа.

Обращусь ли к новым кинокартинам — покажет будущее. Но вообще мне понятны и дороги процессы театральной жизни.